

ДВА АНГЛИЙСКИХ СОБЕСЕДНИКА

ВОСПОМИНАНИЯ УИЛЬЯМА ТОМАСА СТЭДА
И РОБЕРТА ЭДВАРДА КРОЗЬБЕРА ЛОНГА

Публикация и перевод Б. А. Гиленсона

І. У. СТЭД

В мае 1888 г. в Ясной Поляне в течение недели находился видный английский журналист, социолог и общественный деятель Уильям *Стэд* (1849—1912), сотрудник ведущих лондонских газет, человек либерально-пацифистских воззрений *. Через несколько месяцев, в конце 1888 г., вышла его книга «Truth about Russia» («Правда о России»); несколько глав в ней было посвящено встречам с Толстым. Стэд отправил свою книгу писателю со следующей дарственной надписью: «To Count Tolstoi with affectionate remembrance of the family Jasnaia Poliana. From the author. W. T. Stead» («Графу Толстому с теплым воспоминанием о яснополянской семье. От автора. У. Т. С т э д»). О получении книги Толстой сообщил А.А. Суворину 31 января 1889 г. (т. 64, стр. 216). Одна из глав — «Неделя в Ясной Поляне» — была опубликована в газете «Новое время» от 25 января 1889 г., однако основная и наиболее интересная часть воспоминаний осталась неизвестной русскому читателю.

Стэд и в дальнейшем не порывал связей с Толстым: в архиве автора «Войны и мира» хранится семнадцать писем к нему Стэда за период с 1890 по 1906 г. В большинстве писем он рекомендовал Толстому своих английских друзей и извещал о высылке в Ясную Поляну книг и отдельных изданий — в частности, журнала «Review of Reviews», редактором которого он стал в 1890 г. Всего в яснополянской библиотеке сохранилось пять книг Стэда и неполные комплекты его журнала за 1890—1908 гг. В этом ежемесячном издании, посвященном важнейшим общественно-политическим и литературным событиям, публиковались также материалы, знакомившие западноевропейских читателей с творчеством и философией Толстого.

16 августа 1905 г. Стэд сообщил в Ясную Поляну, что намерен посвятить Толстому специальный номер своего журнала «Review of Reviews». Номер этот, вышедший в 1906 г., был переслан писателю. В него вошли отрывки из произведений Толстого, а также статьи о нем Э. Моода, Р. Э. К. Лонга (см. ниже) и самого Стэда.

Как вспоминал впоследствии секретарь Стэда Р. Э. К. Лонг, встречавшийся с Толстым в 1898—1899 гг., последний был недоволен журналом «Review of Reviews», видя в нем «собрание всякой всячины», «omnium gatherum». Журнал, по его мнению, был лишен общей моральной и духовной основы, которую «Толстой хотел видеть во всем» (цит. по кн.: F. W h y t e. The Life of W. T. Stead, v. I. London, 1925, p. 313). 19 августа 1905 г. Д. П. Маковицкий записал в дневнике: «Л. Н. говорит о „Review

* В труде П. И. Бирюкова «Биография Льва Николаевича Толстого», т. III. М., 1923, стр. 91 и в ряде других работ приезд Стэда ошибочно датируется сентябрем 1888 г. О том, что визит состоялся в мае, Стэд упоминает в письме к Толстому от 20 июня 1888 г. и в своей книге.

of Reviews". Л. Н. заметил, что оно содержит самые разнообразные короткие статьи, после которых остается хаос, сумбур в голове... Стэд ловкий человек, но мне не нравился» (АТ).

Толстой следил за выступлениями Стэда в печати. Так, 28 июля 1908 г. он читал в «Новом времени» от 25 июля заметку «Г-н Стэд о России», где приводились ответы Столыпина на вопросы Стэда (Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, т. II. М., 1960, стр. 637).

В беседах, записанных Стэдом, Толстой затронул ряд принципиально важных для него вопросов: о государственстве, земельной реформе, теориях Генри³ Джорджа, праве собственности; высказывался он и о своих творческих замыслах. Интересен рассказ Толстого о «робинзоновской коммуне». Впервые намерение написать произведение на эту тему возникло у него, как явствует из дневника С. А. Толстой, в марте 1877 г., т. е. в тот период, когда Толстого особенно интересовала проблема переселенчества (см. Дневник Софьи Андреевны Толстой, 1860—1891. М., 1928, стр. 37—38). Этот замысел, как видно, долго не оставлял Толстого (С. А. Толстая упоминает о нем и в октябре 1877 г.), причем в 1888 г. он рассматривал его уже в новом идейном аспекте. Любопытно и упоминание Толстого о произведении, развенчивающем «романтическую любовь»: по всей вероятности, речь шла о «Крейцеровой сонате». Большое место Толстой уделил иностранной литературе. Обращает на себя внимание и отзыв о Золя. Как известно, высказывания Толстого о французском романисте разноречивы: он, например, упрекал Золя за длинноты, излишние подробности, «непереваренные факты», но вместе с тем ему импонировало стремление французского писателя к суровой, бескомпромиссной правде. В беседе со Стэдом Толстой, в сущности, в нескольких словах изложил свое понимание сильных и слабых сторон творчества Золя. Он высказался отрицательно о романе «Нана», в котором настойчиво давали себя знать натуралистические элементы художественного метода писателя; в то же время Толстой глубоко сочувственно отнесся к романам «Жерминаль» и «Земля», заметив: «Мы в первый раз видим подлинных крестьян и углекопов такими, каковы они в действительности». Толстой ставил свою драму «Власть тьмы» в определенную связь с этими романами. Заметим, что Золя был одним из наиболее ревностных поклонников этой пьесы, поставленной в парижском «Свободном театре» в 1887 г.

Наконец, воспоминания Стэда содержат ряд ценнейших сведений об одном из интересных издательских замыслов Толстого — «Международном посреднике»; эта идея родилась у писателя под влиянием опыта распространения дешевых книг отечественного «Посредника». В беседе с английским журналистом Толстой назвал круг авторов, произведения которых он хотел бы видеть изданными на главных языках мира. Обращает на себя внимание и то, что Толстой упомянул в их числе три пьесы Шекспира — «Король Лир», «Макбет» и «Гамлет». Это еще раз показывает, что отношение Толстого к Шекспиру нельзя рассматривать как чисто негативное. Во всяком случае, оценка Толстым «Короля Лира», в котором, по его словам, «воплощен опыт каждой русской избы», может быть соотнесена с высказыванием, сделанным им в беседе с Т. Н. Селивановым в 1898 г.: «Почему вы не ставите для народа Шекспира? Может быть, вы думаете, что народ Шекспира не поймет? Не бойтесь, он не поймет скорее современной пьесы из чуждого ему быта, а Шекспира народ поймет. Все великое народ поймет» («Театр и искусство», 1899, № 4, стр. 76). Правда, Толстому не удалось осуществить своего замысла, но, возвратившись в Англию, Стэд под влиянием бесед с русским писателем приступил к выпуску дешевой литературы для народа (см. Э. П. З и н н е р. Творчество Л. Н. Толстого и английская реалистическая литература конца XIX и начала XX столетия. Иркутск, 1961, стр. 76—77).

Ниже печатаются выдержки из книги: W. T. St e a d. Truth about Russia. London — Paris — New York and Melbourne, 1888, p. 393—457. Ставя своей целью по возможности широко ознакомить западного читателя с личностью и идеями Толстого, Стэд посвятил ему десятки страниц своей книги, зачастую перемежая непосредственный материал воспоминаний с собственными суждениями и выводами. Мы отобрали лишь некоторые отрывки, представляющие интерес для изучения жизни и творчества Толстого.

ПРАВДА О РОССИИ

ИЗ ГЛАВЫ «НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ»

...Для него, как и для Оберона Герберта¹, государство — это нечто отвратительное, подобное страшному кошмару и несущее одно лишь зло. Это, несомненно, связано с тем, что в России жизнь народа в малой степени регулируется государством, исключая взимания налогов и ведения войн.

* — Мои воззрения, — сказал Толстой, — есть всего лишь приложение слов Христа к нашей жизни, и в то же время они порождены русскими условиями. Мы живем в деревнях. Если бы Санкт-Петербург, Москва и все то, что мы именуем правительством, оказалось вдруг сметенным землетрясением, разве это имело бы какое-нибудь значение для крестьянства? Для каждого из них жизнь стала бы лучше, а не хуже. Я собираюсь написать об одной робинзоновской общине², этот короткий рассказ вам пояснит мою мысль. Община эта переселилась в Сибирь в полном составе. Правительство оказало им так называемую помощь и дало указания, которые им только пошли во вред. Однако, несмотря ни на что, они в конце концов перевалили через Урал. Там получили от киргизов разрешение осесть на год и засеять землю рожью. Собрав урожай, они двинулись дальше, пока не достигли совсем необжитой земли, где и решили поселиться. Послали к губернатору за разрешением. Дали чиновникам взятки, но тут выяснилось, что кто-то уже владеет этой землей, так что оставаться на ней нельзя. Они вновь двинулись в путь и шли так до тех пор, пока не пересекли русскую границу и не оказались в Китае. Но они не знали, где находятся, и послали сказать губернатору, что выбрали участок для своей деревни. Губернатор тоже не знал этого места, и их оставили в покое. Пятнадцать лет прожили они там в счастье и согласии, не помышляя о правительстве, как вдруг губернатору доложили, что это русские колонисты и что им надлежит возвратиться на русскую территорию. Вслед за тем их обложили податями, обязали поставлять рекрутов. Разве этой робинзоновской общине не лучше жилось без правительства? Разве не стало им хуже, когда правительство вмешалось в их дела? Точно так же и со всеми нами. Какая от правительства польза? Никакой. Оно не просто бесполезно, а еще того хуже.

Разговаривая так, мы пересекли отличное шоссе, ведущее из Тулы на Киев.

— Кто построил эту дорогу? — спросил я.

— Правительство, — ответил он.

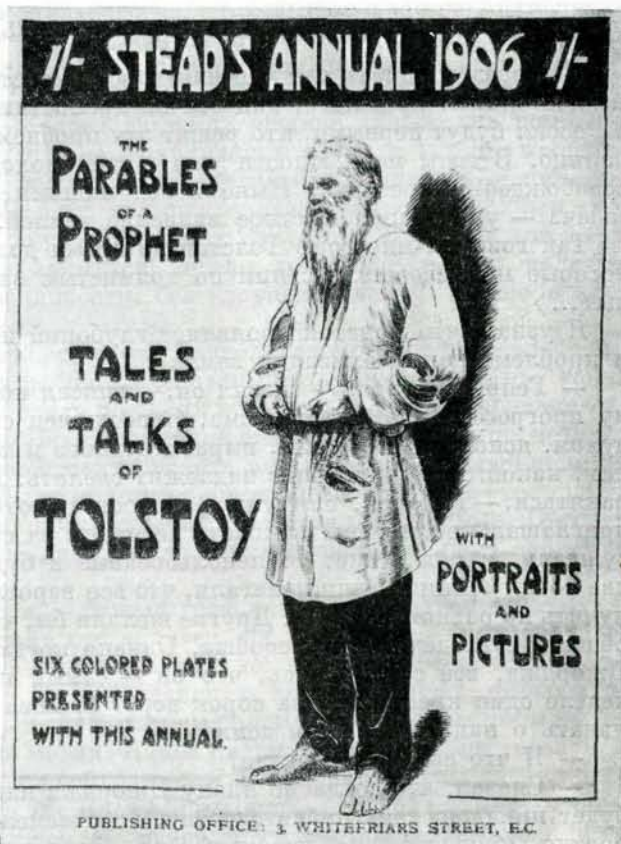
— Значит правительство делает хоть что-нибудь хорошее, — заметил я, — раз оно прокладывает дороги.

— О, — возразил он небрежно, — оно всегда старается отыскать или избрести доводы для оправдания своего существования. Но в таких делах, как железные дороги, сельскохозяйственные выставки или народное просвещение, правительство проявляет излишнюю торопливость. Зачем осуществлять все это прежде, чем люди сами поймут необходимость? Когда им станет ясно, они сумеют все сделать и без правительства<...>

Как бы граф ни восхищался крестьянином, он не закрывает глаза на то, что в моральном отношении мужику надо еще многому научиться. В своем последнем художественном произведении, мрачной и страшной драме «Власть тьмы», он рисует картины поистине ужасных крестьянских нравов. Кровосмешение, прелюбодеяние, преступление, детоубийство составляют основу этой драматической истории. Граф Толстой считает странным, что публика сосредоточила свое внимание лишь на некоторых непристойных деталях и прошла мимо главного урока драмы, который

НОМЕР АНГЛИЙСКОГО
ЖУРНАЛА УИЛЬЯМА
СТЭДА «STEAD'S ANNUAL»,
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ТОЛСТОМУ (1906, № 1)

Титульный лист



заключается в утверждении старой истины, что корысть — корень всякого зла. Он написал свою пьесу как моральное назидание крестьянам, а она была показана лишь императору, а также в Париже³, т. е. аудитории, для которой менее всего предназначалась. Развивая эту мысль, Толстой сказал, что хотя он и не питает любви к Золя в силу некоторых его особенностей, но все же это «единственный в Европе романист, который что-то делает».

— А остальные? — продолжал он. — Что они делают? Сочиняют разнужные пустячки, чтобы помочь праздным барынькам скоротать досуг. Золя — тот занимается настоящим делом. Я невысоко ставлю его «Нана», эту зарисовку общества в период временного заболевания. Но в «Земле» и «Жерминале» мы впервые видим подлинных крестьян и углекопов. А ведь эти люди — неотъемлемая часть человеческого общества. До сих пор мы только и занимались тем, что рассуждали о том, какие они. А здесь они представлены такими, каковы они в действительности. Картина, быть может, неприятная, отталкивающая, но от фактов нельзя отмахиваться. Надо иметь представление о том, как живут наши братья. И это важное дело, наконец, сделано — сделано раз и навсегда. Если кто-нибудь пожелает узнать, как живет подавляющее большинство этих людей, — пусть взглянет на эту картину. Он в любую минуту имеет такую возможность. Правда, это не те картины, которые всегда хотелось бы иметь перед глазами...

ИЗ ГЛАВЫ «ПРОДАЙ ВСЕ, ЧТО ТЫ ИМЕЕШЬ, И ОТДАЙ БЕДНЫМ»

— Через тридцать лет частная собственность на землю станет таким же достоянием прошлого, как сейчас крепостничество. Англия, Америка и Россия будут первыми, кто решит эту проблему. Известные успехи уже налицо. В годы моей юности умы нашей молодежи занимала проблема освобождения крестьян. Ныне перед нашими сыновьями стоит другая задача — уничтожить частное владение землей.

Так говорил мне граф Толстой во время долгих приятных прогулок, которые мы совершали с ним по холмистым окрестностям Ясной Поляны<...>

Я узнал, что Толстой проявляет глубокий интерес к Генри Джорджу и проблеме национализации земли⁴.

— Генри Джордж, — сказал он, — вписал новую страницу в программу прогрессивного либерализма. Я восхищен его истинно христианским духом, ясностью его стиля, выразительного и метафоричного. Он указал нам, какой следующий шаг надлежит сделать. Его идеи будут распространяться, — впрочем, они уже распространяются. Этой зимой я иногда приглашал крестьян потолковать вечером за самоваром, и мы часто обсуждали, каким станет землепользование в будущем. Они высказывали две точки зрения. Одни полагали, что все взрослые мужчины должны получить по равному наделу. Другие желали бы, чтобы земля принадлежала общине и возделывалась сообща. Однако когда я рассказал им о плане Джорджа, все согласились, что он — самый подходящий. На прошлой неделе один крестьянин за сорок верст пришел ко мне, чтобы подробней узнать о национализации земли.

— И что вы ему ответили?

— Сказал, что согласно плану Джорджа национализированная земля будет принадлежать правительству, но поземельный налог снизится, вероятно, процентов на двадцать, по сравнению с тем, что они платят теперь; и что в конечном счете этот уменьшенный налог заменит все прочее. Он был очень доволен и сказал, что расскажет об этом всем остальным.

— Какие налоги платят крестьяне?

— Прямой поземельный налог, о котором мы говорили: от семи до восьми рублей в год. Они должны выплачивать его сорок девять лет, чтобы вернуть государству ту выкупную сумму, которую оно дало землевладельцам при освобождении крестьян. По плану Джорджа, они вместо семи с половиной рублей в течение сорока девяти лет станут платить по шести рублей постоянно. Крестьяне знают об этом, но они готовы выплачивать сокращенную поземельную ренту общине, если будут отменены платежи государству.

Я рассказал графу Толстому о беседах, которые вел с Джорджем в Лондоне и об уязвимом месте десяти заповедей⁵.

— Я полностью согласен с Джорджем, — сказал граф Толстой, — что нет никакой несправедливости в изъятии у землевладельцев собственности без возмещения убытков. Хотя, на мой взгляд, выкуп не лишен целесообразности, ибо он мог бы облегчить этот процесс. Национализация земли произойдет так же, как освобождение крестьян. Убеждение в необходимости такой реформы получит все большее распространение. Возрастет понимание того, как позорно частное землевладение. Кто-нибудь найдет новую «Хижину дяди Тома». Возбудятся умы, и наступит такое время, когда многие из тех, кто владеет землей, поступят так же, как те, кто владел крепостными: по своей воле отдадут ее арендаторам. Остальных же можно будет успокоить выкупом — с тем, чтобы вопли о конфискации не затормозили дела.

Граф Толстой весьма заинтересовался, услышав о законе архиепископа Уолша и лорда Эшборна и о том, как мы надеемся сохранить общественное землепользование в Ирландии после того, как положение там будет урегулировано⁶.

— Да, — сказал он, — передача земли общине лучше, чем национализация, хотя несомненно, что национализация земли в Турции прошла бы неплохо⁷. Но, конечно, лучше, если землей будет владеть община, а не правительство. Разумеется, я не могу согласиться с Джорджем, когда он говорит, что землю надо облагать налогом. Только в том случае, если взиманием налога займутся ангелы небесные, можно надеяться, что все будет по справедливости, без злоупотреблений. Лично я против всякого налогообложения.

Однажды во время прогулки мы увидели около полотна железной дороги партию ремонтных рабочих, человек в сто. Они только что кончили ужин и собирались разойтись по своим землянкам, где на деревянных нарах, без тюфяков, даже без соломенной подстилки, спало по десять человек в ряд. Толстой пообещал прислать им соломы, что их, по-видимому, очень обрадовало. Это были простые добродушные люди, не столь грубые, как наши чернорабочие, по-крестьянски вежливые и прямые. Посещение этих барачников, естественно, направило наш разговор в область социальных вопросов.

— Мы забыли Христа, — сказал граф. — Мы не следуем ему. И каков результат? Вот перед вами сто человек, их заработок — полтина в день, спят они на голых досках, даже соломы нет постелить. Как же можем мы нежиться на матрацах и пуховых перинах, когда эти люди, много и тяжело работающие, не имеют даже охапки соломы! Будь мы истинными христианами, мы бы этого не могли. Какое право имею я излишествовать, если у моего брата нет самого необходимого? Ближайшая наша задача в христианстве и, в сущности, самый первый шаг — состоит в том, чтобы те, кто владеет богатством и землей, раздали все, им принадлежащее, бедным.

Один из молодых друзей и последователей Толстого, господин Ч<ертков>, с которым я познакомился два года назад в Лондоне, в доме г. Пашкова, воспринял толстовские идеи и ныне, вместе с женой и ребенком, живет в своем поместье под Воронежем жизнью простого крестьянина. Но даже такое полное слияние с крестьянами, с которыми г. Ч<ертков> делит весь получаемый доход, не удовлетворяет Толстого. По какому праву христианин является распорядителем денег, которые есть зло и только зло? Признать, что у тебя есть право распоряжаться своей собственностью, даже если ты ее раздаешь, — это гордыня. Ты не имеешь на эти деньги никаких прав, мы не вправе даже решать, кто более достоин получить их от тебя — тот или этот. Они попросту тебе не принадлежат. Это украденный клад, случайно оказавшийся в твоих руках, но на который любой встречный имеет столько же прав, как и ты. Поэтому лучшее, что ты можешь сделать, это вовсе не прикасаться к деньгам, и пусть любой, кто пройдет мимо, если захочет, взвалит на себя эту ненавистную ношу.

— Вы думаете, — продолжал граф Толстой, — что деньги, заработанные докторами, или адвокатами, или издателями, добыты менее бесчестным образом, нежели те, что украдены вором или разбойником? Это совершенно то же самое: все тот же результат насилия. Возьмем, например, поместье, в котором мы находимся. Как оно приобретено? Насилием. Мой прадед был екатерининским генералом. Екатерина отняла землю у крестьян, которые на этой земле работали, и отдала моему прадеду в награду за его заслуги по истреблению людей во время войн. Таково происхождение одной части поместья. Другая заработана моими книгами. И тоже благодаря насилию. Кто покупает мои романы? Люди богатые. Откуда у них богатство? Снова насилие. В мире нет столько богатств,

чтобы каждому досталось больше разумной доли. Русская пословица гласит: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». И это истинно. Честный труженик никогда не будет иметь больше самого необходимого. Тот, у кого больше, тот вор. Собственный дом, всякого рода роскошь — это всегда результат грабежа. А грабеж означает еще и порчу нравов. Потому что ни вору, ни детям вора не нужно трудиться. Они становятся праздными, а праздность порождает всяческое зло, их пример развращает и вызывает недовольство в детях тех, кто слишком беден, чтобы подражать богатым. Если вы хотите уподобиться Христу, откажитесь от всякой собственности, раздавайте ее всем и каждому, пока у вас останется не больше, чем у остальных. Если у вас есть деньги, дом или одежда, вы должны быть готовы отдать их первому встречному.

Плоды претворения в жизнь этой доктрины, несмотря на самые жесткие ограничения, на которых сумела настоять графиня Толстая, — не слишком удачны<...>

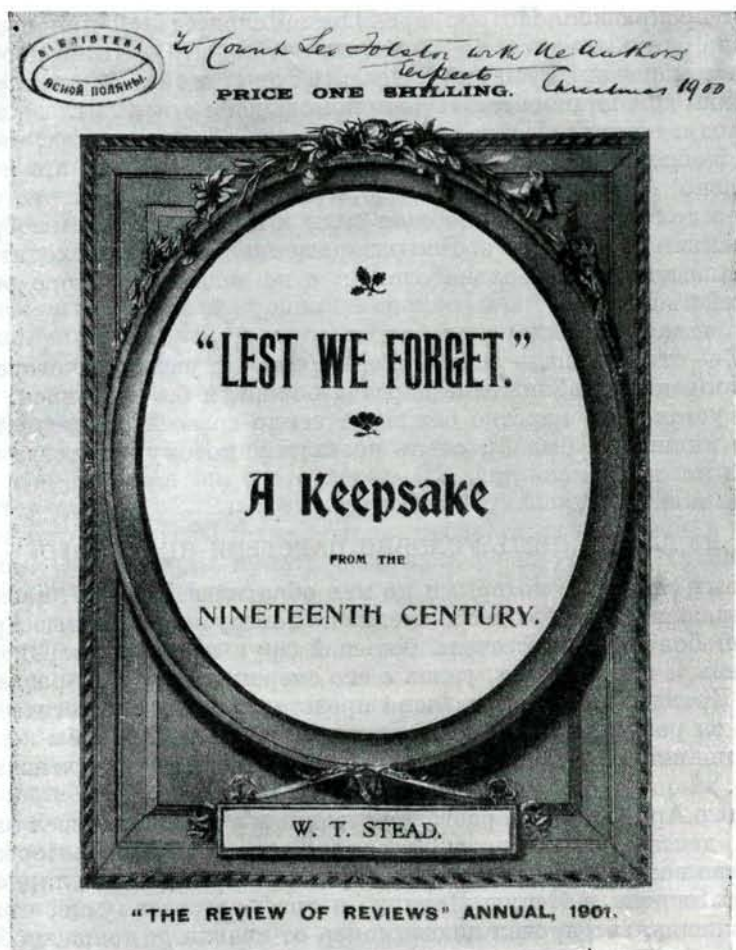
Если граф Толстой осуществил свои принципы во всей их полноте, то результат может быть лишь такой: в его доме обоснуется кучка проходимцев, и доходы от имения пойдут на водку, а не на пропаганду принципов трезвости и создание «Анны Карениной».

Когда я решил намереть на это графу, он ответил:

— Следует предпочесть то благо, которое есть безусловное благо, тому, которое является благом лишь предположительно. Находиться в естественных отношениях со своими братьями, возделывать землю, возвращать хлеба, жить самому и всей семьей, исполняя волю бога, по закону Христа, — это и есть истинное благо. А писание романов — это, быть может, просто вздор. Может, в них и заключена какая-то польза, а, возможно, больше вреда. Кто может об этом судить? Вы говорите, что «Анна Каренина» побудила тысячи людей вступить в более истинные и добрые отношения со своими ближними, но откуда мне знать, не оказала ли эта книга совершенно противоположное действие на еще большее число людей? Мы этого не знаем. И случись так, что одного моего слова было бы довольно, чтобы с лондонских улиц исчезли все те восемьдесят тысяч падших женщин, которые их наводняют, я все же не произнес бы этого слова, если бы ради этого должен был бы пожертвовать возможностью для себя и своей семьи возделывать землю и вступить в здоровые, естественные, человеческие отношения со своими ближними, ибо только это последнее и есть истинное благо. Все же остальное может быть благо, а может и нет.

— Я хочу, — сказал мне как-то вечером Толстой, — написать роман, в котором бы рассказывалась история, опровергающая общепринятые иллюзии о «романтической» любви. Я уже написал эту вещь, но ее следует заново переделать и переписать. Пока что она слишком походит на трактат, в ней недостает действия. Моя цель состоит в том, чтобы внушить читателю отвращение при виде того, к чему приводит романтическая любовь, принятая *au sérieux* *. Финалом, к которому подведет все действие, явится убийство мужем своей жены. Я покажу разрушение семейной жизни в результате того, что «романтическая» любовь, лихорадка животной страсти, подменила собой любовь истинно христианскую, основанную на общности чувств, единстве идеала, родстве душ. Именно эта христианская любовь, подобная любви брата к сестре и сестры к брату, — есть первое, неперемное условие счастливой семейной жизни; любовь чувственная — это лишь второстепенное дополнение. И здесь крестьяне дают нам урок. Они смотрят на то, что мы называем «романтической» любовью, как

* всерьез (франц.).



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ УИЛЬЯМА СТЭДА НА КНИГЕ «ЧТОБ МЫ НЕ ЗАБЫЛИ»
(ЛОНДОН, 1900):

«Графу Льву Толстому с глубоким уважением от автора. Рождество, 1900»
Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

на хворь, преходящую, но тяжелую — и опасную. У них браки никогда не основываются на такой любви. Люди, которые вступают в брак, бросая жребий, поступают разумнее, чем мы. Наша система — худшая из всех возможных; весь наш свадебный обряд, медовый месяц, празднества, все это возбуждение похоти рассчитаны на то, чтобы привести к разрушению супружества. «Романтическая» любовь не приводит к счастливому союзу до конца жизни и в одном случае из ста. Мимолетная страсть заставляет стремиться друг к другу два юных существа, чьи жизни до той поры двигались по разным орбитам. Они вступают в брак. В течение месяца, может быть, года или двух — не дольше — они счастливы, и единственное, что их соединяет, — это плотская страсть. Всю последующую жизнь они ненавидят друг друга, отдавая дань условностям и скрывая правду от своих близких. Иначе и не может быть. Если бы Анна Каренина вышла замуж за Вронского, она бы точно так же должна была уйти и от него. «Романтическая» любовь подобна опиуму или гашишу. Ощущение захваты-

вающее и прекрасное. Но оно проходит. Человеческой природе свойственно желание обновлять впечатления, потому что новизна необходима. Так жена обманывает мужа, муж неверен жене, и весь мир превращается в гигантский дом терпимости. Я хочу помочь всем открыть глаза на истинную природу, на трагические результаты того обстоятельства, что романтическая любовь заменила любовь христианскую. Я вижу это ясно — о, еще как ясно! А когда ты видишь, то, чего никто еще не видит, то чувствуешь, что должен собрать все свои силы и посвятить себя изображению правды, какой ты ее видишь. Все разращение брака происходит от того, что христианство стало только словом, а не делом. Но скоро оно снова обретет действительность.

— Приятная надежда, — сказал я.

— Да, — ответил он, — если б я не верил, что увижу некоторое, пусть самое небольшое, приближение царства божия, я бы повесился. Но если бы я мог установить царство божие на земле во всей его полноте одним нажатием кнопки, я был бы очень несчастен, потому что тогда мне уже ничего бы не оставалось делать.

ИЗ ГЛАВЫ «ПЯТЬ УСЛОВИЙ ЦАРСТВИЯ НЕБЕСНОГО»

В первых словах, с которыми ко мне обратился Толстой, насколько я помню, выражалось глубокое сожаление по поводу смерти Мэтью Арнольда.

— Мой большой, мой очень большой друг недавно умер в Англии. Я был очень, очень огорчен, узнав о его смерти. Он во всем разделял мои взгляды. Правда, он не всегда ясно представлял себе их логическое развитие, но он разделял их. И, проживи он дольше, пришел бы к правильному их пониманию. Мне было горько, очень горько услышать о его смерти<...>⁸

От Мэтью Арнольда наш разговор странным образом перешел на Армию спасения, деятельностью которой граф Толстой весьма интересовался, хотя и не во всем ей сочувствовал. Журнал «War Cry»⁹ регулярно присылается из Лондона в Ясную Поляну, и граф рассказал мне, что не так давно он специально прочел целый номер от начала до конца, чтобы попытаться проникнуть в суть этого странного движения. Его коробила не только вульгарность Армии спасения, но и тот упор, который она делает на догмат искупления, на греховность человека и необходимость кары для нераскаявшихся грешников. Толстой категорически возражал также против сбора средств на содержание духовенства, хотя бы и в тех скромных пределах, которые допускает весьма скудная казна Армии спасения.

— Генералу Бутсу¹⁰ и его коллегам, — сказал он, — вместо того, чтобы читать проповеди, поедая хлеб, добытый чужими руками, следовало бы поставить себя в нормальные отношения с другими людьми, зарабатывая на жизнь собственным трудом.

Тем не менее Толстого привлекал энтузиазм и самопожертвование Армии спасения, ее презрение к соображениям политической и вообще мирской выгоды, ее преданность делу спасения душ.

— Мне начинает нравиться ваша Армия спасения, — сказал он однажды, после того как я рассказал ему о некоторых ее лидерах и их принципах. — Но почему они работают только во имя царствия небесного? Все, что они говорят о необходимости спасения душ, я говорю для того, чтобы побудить людей сделать шаг, пусть пока самый маленький, к установлению царства божия здесь, на земле.

Я никогда не мог полностью понять воззрений графа Толстого относительно беспомощности и иллюзорности правительств. Он крайне презрительно отзывался о так называемых великих людях — Наполеонах, Бисмарках и прочих, которые считают, что они в состоянии начинать войны и

воздействовать на ход истории. Бисмарк, говорил он, таков же, как и Наполеон. Все эти государственные деятели в той или иной степени шарлатаны, кумиры на час. Сегодня их возвеличивают до небес как оракулов мудрости, а завтра осмеивают как величайших глупцов, стоит только чарам рассеяться и власти их ослабнуть. Толстой отзывался отрицательно о всякой политической деятельности, высмеивал Палату общин, как и все другие формы правления, без исключения.

Когда однажды в Ясной Поляне возник пожар ¹¹, Толстой не менее энергично, чем другие, стремился помешать распространению огня, но по отношению к аналогичным явлениям на международной арене или во внутренней политике он проявляет полное равнодушие. Я сказал ему, что он напоминает Карлейля, который советовал мне, года за два до смерти, держаться в стороне от всякой политики и предоставить событиям идти своим ходом — от плохого к худшему, что, по его мнению, неизбежно в наш демократический век.

Толстой радостно согласился с этим.

— Да,— сказал он,— это верно. Не принимать никакого участия, не иметь ничего общего с этими антихристианскими фикциями, которые именуются правительствами. Надо предоставить событиям идти своим чередом. Они должны пройти весь путь от плохого к худшему, прежде чем начнется улучшение<...>

— Если вы признаете собственность, церковь или государство, то вы обречены,— сказал он как-то,— потому что все они основаны на насилии, а насилие не может продолжаться долго. У тех, кто признает насилие или то, что основано на насилии, нет будущего, перед ними непреодолимая каменная стена. Собственность, церковь, государство, правительство — они обречены так же, как было в свое время обречено рабство и все прочие формы варварства, от которых человечество избавилось.

Другими нелепостями, от которых, по мнению Толстого, мир должен отделаться, являются понятия семьи и нации. Когда я заметил в одном из разговоров, что семья — это священная школа, в которой человечество почерпнуло уроки любви и сострадания, та форма организации, которую общество должно рассматривать как идеальную, он резко перебил меня:

— Ничуть. Семья — это великая школа своекорыстия. Почему я должен заботиться о своих детях больше, чем о детях других людей? Мои дети должны значить для меня столько же, сколько дети любого крестьянина, не больше и не меньше. Любить всех людей одинаковой любовью, независимо от того, рожден человек в твоей семье или в любой другой, совершенно тебе чужой,— таков закон Христа.

Граф Толстой возражает не только против того, чтобы любовь ограничивалась рамками семьи; он также выступает против любых различий, делаемых между людьми в зависимости от цвета их кожи, положения в обществе, национальности. Тот, кто делает подобное различие, тот нарушает закон Христа. Даже до своего духовного обращения Толстой не сочувствовал различению людей по национальности. Его изумляло отношение американцев к китайцам:

— Для чего запрещать въезд китайцам? Не все ли тебе равно, что у твоего брата кожа желтая и что его называют китайцем? Он такой же брат твой. Зачем делать различия, которые осуждал Христос?

Те же возражения Толстой выдвигал и против мер по ограничению притока ирландцев и других иммигрантов из Старого Света.

— Что касается мормонов,— говорил он,— то заблуждения наших многобрачных братьев следует излечивать убеждением и доказательствами, но не насилием.

Наш конфликт с Ирландией он предлагал решить таким же образом. Если ни один англичанин не станет подчиняться этой антихристианской фикции, так называемому правительству, не возьмет в руки оружия и не пойдет убивать своих ирландских братьев, то с Ирландией не будет никаких неладов¹². *Fons et origo mali* * — они коренятся в призраке, именуемом государством, которое заставляет людей по приказу истреблять друг друга. Убийство — это краеугольный камень цивилизованного государства, и, запрещая убийство, граф Толстой защищает идею христианского анархизма, самую излюбленную свою идею...

ИЗ ГЛАВЫ «УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИЕ ГРАФА ТОЛСТОГО»

... Он читает и восхищается Торо¹³, с которым у него много общего. Вообще американцы относятся к идеям Толстого более сочувственно, чем англичане. Его сочинения были переведены в Америке раньше, чем в Англии, и нашли за океаном более восторженных почитателей, чем у нас. На одно письмо, получаемое им из Англии, приходится шесть из Америки. Это симпатия взаимная. «Тургенев, — сказал он как-то, — говорил мне, что американцы не написали ничего такого, что стоило бы читать. В этом он неправ. Мне нравится американская литература, она очень хороша». Толстой считает, что Уильям Ллойд Гаррисон¹⁴ несколько выпячивает собственные заслуги, но восхищается его непротивленческими принципами и весьма сожалеет, что русский перевод его жизнеописания затерялся в цензуре¹⁵. Он также выразил свое восхищение Эмерсоном и «Библией мира» Теодора Паркера.

Об английских романах он говорил довольно подробно. О некоторых из самых последних он еще не слышал. «Доктор Джекил и мистер Хайд» прочел, но ничего даже не знал об Уолтере Безанте, книгу которого «Люди всех состояний» я послал ему по приезду в Петербург¹⁶. Дух этого романа истинно толстовский, поскольку автор настаивает на необходимости жить среди бедных. Интересно было Толстому услышать и о Тойнби Холле¹⁷, так как самообслуживание и самопожертвование — это принципы его учения (...)

Из наших писателей он выше всех ставит Диккенса, считая его наиболее христианским писателем. Три лучших английских романиста, — сказал он, — это (по нисходящей): Диккенс, Теккерея и Тrollop, а после Тrolloпа, кто у вас есть еще?

Как раз во время разговора об английской литературе Толстой неожиданно воскликнул:

— Мы все еще толком не представляем себе, до какой степени можно использовать книгопечатание. Я вот уже несколько лет обдумываю грандиозный проект — издание Всемирной библиотеки по такой цене и такого формата, чтобы донести лучшие мысли лучших людей всех времен до самого бедного крестьянина. На эту идею меня натолкнул поистине поразительный успех, которым пользуются в России дешевые издания¹⁸. Последние три года мы начали распространять через обычных разносчиков небольшие книжки, толкующие заповеди Христа и обязанности человека по отношению к своему ближнему, — все это, конечно, с одобрения цензора. Книжки хорошо отпечатаны, снабжены яркой обложкой, и оптовая их цена — копейка с четвертью или чуть выше. Разносчики торгуют ими в розницу по две, три, четыре копейки за штуку. Эти издания весьма популярны, и мы продали за последние три года не меньше восьми миллионов экземпляров. Раз спрос на такие маленькие книжки так велик, от-

* Источник и начало зла (лат.).



ANNA STEALS BACK FOR A GLIMPSE OF THE SON SHE FORSOOK FOR VRONSKY

«АННА КАРЕНИНА». КАДР ИЗ АМЕРИКАНСКОГО ФИЛЬМА. ГОЛЛИВУД, 1928

Режиссер Эдмонд Голдинг

Свидание Анны с сыном. Анна — Грета Гарбо

Из книги: Anna Karenina by Count LyofN. Tolstoy. Translated by N.-H. Dole. Illustrated with scenes from the photo-play a Metro-Goldwyn-Mayer Production. London, 1928

чего бы нам не удовлетворить его, выпуская произведения мировой литературы применительно к уровню и способностям крестьянина?

Я спросил его, были ли разносчики привлечены специально для продажи толстовской пропагандистской литературы.

— Нет, — ответил он, — мы просто передаем наши издания книготорговцам. Сытин в Москве возглавляет самую широкую в России книготорговлю, и все наши издания идут через него. До нас он продавал около двух миллионов экземпляров в год. У него было около двухсот различных изданий, каждое из которых расходилось, в среднем, по десятку тысяч экземпляров. Теперь, с нами, его дело за три года увеличилось вдвое.

— А Сытин подходит для задуманного вами более широкого предприятия?

— В России — несомненно. Но мой план охватывает не только Россию, я мыслю осуществление его в международном масштабе. Быть может, это всего лишь мечта, но я считаю возможным издание библиотеки классиков мировой литературы по цене не дороже пяти копеек за книжку, т. е. в переводе на ваши деньги, за одно пенни. Причем каждая книжка должна выходить одновременно на французском, английском, немецком и русском языках. Для меня это имеет религиозный смысл, ибо что такое лучшие книги мира, как не откровение истины для человеческого разума? Истоки этого разума — в бесконечности, т. е. в боге. Все глубочайшие мысли, все ставшие классическими изречения человеческого гения — суть не что иное, как его выражение.

— Тогда ваша Всемирная библиотека станет поистине некоей библией человечества. Не окажется ли она в этом случае слишком громоздкой? — спросил я.

— Нет, если мы сделаем все необходимое для того, чтобы приспособить это чтение к уровню крестьянина, к его возможностям и к тому досугу, которым он располагает, т. е. если исключим все случайное, временное, узкое и оставим только то, что имеет значение вечное и общечеловеческое. Исключив то, что способствует разъединению людей, вы обнаруживаете, что все их объединяющее не так уж необъятно. Часть этого заключается в каждом произведении классической литературы, и всем этим проникнуто учение Христа. Учение его всеобъемлюще. Вы не можете выйти из его сферы. Христос ответил на все вопросы. Попробуйте разрешить любую проблему, и когда вы найдете ее решение, окажется, что оно давно уже найдено Христом.

Как уже отмечалось, граф Толстой проводит глубокое различие между Христом и тем, что обычно именуется христианским. Так, например, когда мы стали обсуждать, какие книги следует включить в библиотеку, он сказал, что решительно возражает против Мильтона и Данте. Лично он не стал бы также включать и Бенъяна, но, ввиду исключительной популярности в России книги Бенъяна «Путь паломника», будет по отношению к нему нейтрален¹⁹. Толстой сказал, что один француз и один хорват уже вступили в сотрудничество с ним для осуществления этого проекта, и он был бы рад узнать, можно ли рассчитывать на успех Дешевой классической библиотеки в Англии<...>

Толстой сказал, что Марк Аврелий почти подготовлен к печати, за ним должны последовать Диоген, Эпиктет, «Меморabilia» и «Экономия» Ксенофонта, восемнадцать или двадцать плутарховых жизнеописаний, «Федон» и «Пир» Платона, а также (очень сокращенные) «Илиада» и «Одиссея». Все они, по его мнению, будут должным образом оценены и поняты крестьянством во всем мире. Он возражал, однако, против включения в список греческих трагедий. Если Библиотека будет иметь успех, то после того как выйдут наиболее крупные писатели-классики, можно будет перейти ко второй серии, в которой Геродот и Фукидид займут ведущее место, но поначалу книги о путешествиях и исторические сочинения издавать не следует.

На латинских авторов он был скуп. Овидия и Горация он отверг сразу же, но был согласен дать кое-что из Вергилия. Относительно Ювенала, Сенеки и «О дружбе» Цицерона он сказал, что вопрос об этих изданиях еще рассматривается. Он питает глубокое уважение к китайцам — Конфуцию, Менциусу²⁰ и Лао-цзе. Их следовало бы издать едва ли не в числе первых, так же, как и книгу, излагающую сущность буддизма.

Мы не составляли, конечно, исчерпывающего списка. Толстой с большим одобрением упоминал Паскаля и первую часть Фомы Кемпийского. Виктора Гюго он предлагал издать в первую очередь из французских, заметив при этом, что «Отверженные» заслуживают того, чтоб их читали на всех языках мира.

Когда очередь дошла до англичан, я, естественно, с большим нетерпением ожидал, на ком он остановит свой выбор. Шекспир был, конечно, назван первым. Толстой сказал, что большинство его пьес переведено на русский язык и некоторые из них весьма популярны.

Я спросил, какие больше всего?

— «Король Лир», — ответил он. — В нем воплощен опыт каждой русской избы.

— После «Короля Лира», мне кажется, идет «Макбет», затем «Гамлет». Большой известностью пользуется Мильтон, особенно среди стариков-крестьян, он давно уже существует в переводах. Бенъян пользуется успехом у штундистов, молокан и сектантов. Безусловно, следует включить «Робинзона Крузо», а также «Путешествие Гулливера». Относительно Эмерсона он был в нерешительности. Но предложил бы издать эссе Бэкона,

кое-что из Бэрка, Теодора Паркера и Мэтью Арнольда, многие произведения Диккенса и некоторые Скотта, а также «Феликса Холта» и «Адама Бида» Джордж Элиот.

Беседа продолжалась в том же духе. Боюсь, что будет нелегко вместить «Отверженных» или «Адама Бида» в пределы маленьких дешевых книжек. Однако эта идея уже осуществлена в Германии и может быть еще полнее реализована в Англии и Америке. В России же, где испытывается в этом наибольшая нужда, граф Толстой уже принялся за работу.

Я не мог не удивиться тому, что при всей своей занятости разнообразными вопросами Толстой придает такое значение своей работе на картофельном поле. На мой взгляд, донести до мира этические идеалы Христа — дело несравненно более важное, нежели пахота, на которую он расточает здоровье и силы, тогда как любой мужик справится с этим лучше его. Когда я попросил его больше беречь себя, хотя бы ради того, чтобы полнее отдаваться своей высокой миссии, Толстой покачал головой:

— Это пропаганда, — сказал он, — а пропаганда — искушение дьявола. Моя обязанность — жить правильной жизнью. Быть может, мой долг состоит вовсе не в том, чтоб учить других. Мой долг — работать своими руками.

Я закончу эти отрывочные воспоминания о долгих и приятных беседах с Толстым рассказом об одном эпизоде. Речь зашла о политике, и я спросил его:

— Представьте себе, что император попросил бы у вас совета — что ему следует свершить. Что бы вы ему ответили?

Помолчав некоторое время, Толстой сказал:

— Я молю бога ниспослать мне довольно разума, чтобы дать верный ответ. — И, снова помолчав, произнес: — Ну, коли просите меня представить себе столь невероятную вещь, — извольте. Вот что бы я ответил: «Национализируйте землю. Объявите полную свободу совести. Установите свободу печати». Если три эти требования будут удовлетворены, все остальное устроится само собой.

П. Р. Э. К. ЛОНГ

Английский журналист и публицист, секретарь У. Стэда, Роберт Эдвард Крозьер Лонг (1872—1935) неоднократно встречался и беседовал с Толстым в его хамовническом доме. Архивные материалы (пять писем Лонга к Толстому) и обнаруженные нами его воспоминания позволяют восстановить в общих чертах историю их взаимоотношений.

Лонг прибыл в Россию в 1898 г. в качестве специального корреспондента газеты «Daily Chronicle». Он намерен был писать о голоде в восточных областях страны, а также взять у Толстого интервью в связи с предстоявшей мирной конференцией в Гааге. В первом из своих писем к Толстому, от 5 января 1898 г., Лонг просил о свидании. Он, по-видимому, был принят Толстым. Как явствует из позднейшего письма Лонга от 5 февраля 1903 г., он посетил дом Толстого шесть или семь раз. Уехал Лонг из Москвы, очевидно, весной 1899 г. и, судя по его письму от 15 июля того же года, Толстой дал ему копию своего письма к шведской интеллигенции по вопросу о вооружении (т. 72, стр. 9—13). Вместе со Стэдом Лонг выступал в печати против англо-бурской войны. Как и многие другие его соотечественники, он искал в этом вопросе поддержки у Толстого. Сообщая ему о своей пацифистской деятельности в письме от 2 ноября 1899 г., Лонг просил русского писателя выступить со статьей, направленной против английского империализма. Он еще дважды посетил Россию, в 1904—1905 гг. и в период первой мировой войны, опубликовав о ней множество статей и очерков.

Пребывание в России пробудило в Лонге интерес к русской литературе. Этому способствовало неплохое знание русского языка, полученное, видимо, еще от матери, урожденной Муравьевой, дочери председателя Тамбовского губернского суда. Он,

в частности, первым начал переводить на английский язык рассказы Чехова. 5 февраля 1903 г. Лонг писал Толстому: «Я перевел с русского на английский язык двенадцать рассказов Антона Павловича Чехова, в том числе „Палату № 6“, „Черного монаха“, „Скрипку Ротшильда“, „Спать хочется“ и др. Чехов фактически неизвестен в Англии. Когда я имел честь беседовать с вами, вы выразили восхищение его искусством, хотя, если не ошибаюсь, сожалели по поводу отсутствия моральных и философских идей в его произведениях» (АТ). Лонг просил Толстого написать предисловие к этому сборнику, но ответа не получил. Сборник вышел в том же году в Лондоне без предисловия Толстого.

В 1901 г. в двух номерах журнала «Review of Reviews» (№ 137 и 138) была опубликована статья Лонга «Учение и деятельность графа Толстого», его воспоминания о встречах с русским писателем в 1898—1899 гг. Статья эта состоит из следующих разделов: «Лев Толстой в Москве»; «Толстой о войне и мире»; «Что Толстой намерен делать»; «Толстой как проповедник и как личный пример»; «Толстой и английская литература»; «Граф Толстой и русские». Статья снабжена несколькими фотографиями Толстого, репродукциями с картин и двумя фотокопиями с его рукописей *.

Наибольший интерес представляет раздел воспоминаний, озаглавленный «Толстой и английская литература», который воспроизводится нами (в отрывках) по «Review of Reviews», 1901, № 138, р. 538—541. Здесь приводятся любопытные суждения Толстого о русской и английской литературах. В своих оценках писателей Толстой прежде всего исходил из того, насколько глубоко и серьезно содержание их произведений. Можно сказать, что Толстой имел свой определенный взгляд на развитие английской литературы: так, восхищаясь замечательными мастерами английского реалистического романа XVIII—XIX вв. — Филдингом, Стерном, Голдсмитом, Диккенсом, Теккереем, — Толстой в то же время явственно ощущал постепенный кризис английского критического реализма, который проявился уже в творчестве Троллопа и углубился вместе с развитием декадентских течений в конце столетия. Представляет интерес положительное суждение Толстого о политических сочинениях Мильтона: видимо, боевой дух автора «Ареопагитики» и «Защиты английского народа» был созвучен русскому писателю, развернувшему с конца 1890-х годов активную публицистическую деятельность. Любопытно и мнение Толстого относительно правомерности употребления просторечия, и, в частности, английского «сленга», в художественном произведении. Однако Лонг неправ, когда делает вывод о том, что Толстой в целом невысоко оценивал английскую литературу. Это опровергается и содержанием его бесед и другими отзывами Толстого. Более того, в своем творчестве Толстой, как известно, широко использовал художественный опыт таких английских писателей, как Стерн, Диккенс и Рескин.

Однажды, в конце марта 1899 года, я сидел в кабинете графа Толстого с одним из его учеников, обсуждая предстоящие празднества в связи с пушкинским юбилеем; это была тема, не сходившая со страниц всех тогдашних газет. Минут за десять до этого Толстой вышел из комнаты. Он вернулся рассерженный и возбужденный. Дело в том, что к нему пришла какая-то женщина, чтобы рассказать о судьбе своего сына, которого исключили из университета и выслали из Москвы²¹ будто бы за нарушение устава. Ее обращение к властям не имело никакого действия. Граф был возмущен. Он долго говорил о студенческой жизни, вспоминал некоторые эпизоды своего пребывания в Казанском университете в пору железного правления Николая I, а затем неожиданно перешел на английскую литературу. Я спросил его, что он думает о некоторых сторонах современной английской политики, но он уклонился от ответа: «Я слишком мало знаю об английской жизни, чтобы судить о ней. Мне многое нравится в Англии, но то, что я знаю о ее народе, почерпнуто мной, главным образом, из анг-

* В несколько сокращенном виде воспоминания Лонга включены в специальный номер «Review of Reviews», подготовленный Стэдом в 1906 г. и целиком посвященный Толстому. Экземпляр этого номера сохранился в яснополянской библиотеке, так же как и № 138 журнала.

THE SHEWING UP OF
BLANCO POSNET

to Leo Tolstoy
from G. Bernard Shaw.

23rd March 1910.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ДЖОРДЖА БЕРНАРДА ШОУ НА КНИГЕ
«РАЗОБЛАЧЕНИЕ БЛАНКО ПОЗНЕТА»

(G. Bernard Shaw. The Shewing up of Blanco Posnet. London. 1909):
«Льву Толстому от Дж. Бернарда Шоу. 23-го марта 1910 г.»

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

лийской литературы». После этого он задал мне множество вопросов о ныне живущих писателях, с некоторыми из них он, видимо, хорошо знаком. Однако кое-кого из менее популярных, но более серьезных английских авторов Толстой почти не знает. К Рескину он относится с большим восхищением. Он работал над переводом максим из его «Книги ко дню рождения» и попросил меня прислать ему еще один экземпляр этой книги. Но об английской литературе в целом как старой, так и новой, он, насколько я понял, — невысокого мнения. Она очень жизненна и многосторонняя, но ей не хватает того, что он считает главным, — а именно, философского основания. Английская литература чересчур много внимания уделяет интриге, приключениям, случайным обстоятельствам и в гораздо меньшей степени вопросам принципиальным.

— Я хотел бы особенно подчеркнуть, — сказал он, — огромную роль, которую играет в вашей литературе случай. Сопоставьте ее с литературами других стран, и вы поймете разницу. По сравнению с вашей, русская литература молода и скромна. Мы не создали, подобно немцам, великих



ЛУИЗА МООД — ПЕРЕВОДЧИЦА
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТОЛСТОГО
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Фотография. 1920-е годы

Предоставлена «Литературному наслед-
ству» г. Арнольдом Моодом-сыном
(Англия)

философских систем, у нас нет ни своего Канта, ни Гегеля, ни Шопенгауэра. Наши лучшие писатели — романисты, и вряд ли хоть десяток из них известен за пределами России. Тем не менее наша литература в основе своей — философская; она поднимает широкие проблемы, затрагивает существеннейшие вопросы жизни. В целом наша литература серьезна, тогда как ваша тяготеет к анекдоту. В трактовке насущных жизненных проблем ваша литература несостоятельна. Вы дали миру отличных обозревателей, прекрасных юмористов, вообще огромное количество законченных, образованных писателей. Но ваши авторы, как правило, кладут в основу своих произведений случай; они слишком озабочены поисками увлекательного сюжета и отдают дань случайным запросам своего времени, а не тем великим проблемам, которые являются общим достоянием человечества. Наша литература, возможно, не столь увлекательна, но она стоит на более прочной основе. Лучший, непревзойденный ваш романист — Диккенс. По части юмора и верности жизненной правде с ним никто не сравнится. Но общий упрек английской литературе может быть отнесен и к нему.

Теккерея не вызывает у Толстого никакого восторга. Об Антони Троллопе он сказал:

— Это был один из наиболее талантливых современных писателей Англии. Но его романы целиком основаны на случайных происшествиях.

Писатели XVIII столетия, как мне кажется, Толстому более знакомы. Филдинга, Смоллета, Ричардсона и особенно Свифта он читал и не устает восхищаться ими. Аддисона он нашел скучным, а в «Жизни Джонсона» Босуэлла не увидел абсолютно ничего хорошего. Наибольшее восхищение вызывает в нем Стерна, о котором он сказал:

— Я прочел Стерна много, много лет тому назад и испытал при этом величайшее наслаждение; он оказал на меня большое, сильное влияние.

Первый писательский опыт Толстого относится к пятнадцатилетнему возрасту — то был философский трактат в подражание Стерну²².

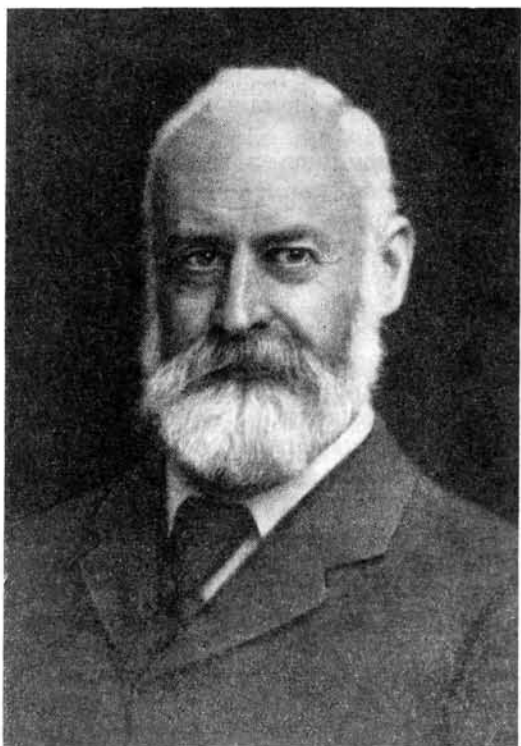
Когда я упомянул о Голдсмите, Толстой разразился похвалами его «Векфилдскому священнику» и тут же начал излагать сюжет произведения присутствовавшему при разговоре русскому другу, горячо рекомендуя прочесть эту книгу.

— Я перечитываю ее снова и снова и всякий раз нахожу все новые и новые красоты буквально на каждой странице. Это замечательный роман.

Как ни странно, но сюжет «Векфилдского священника» и в особенности эпизод обращения преступников произвели на Толстого большее впечатление, нежели юмор этой книги. С другими сочинениями Голдсмита и его поэмами он, по-видимому, незнаком. Сочинения английских философов он читал и с большим одобрением отзывался о Беркли: «Это был идеалист в высоком смысле этого слова. Его произведения обладают огромной моральной ценностью». Но Гиббона он категорически отвергает, считая, что его отношение к христианству причинило громадное зло.

Затем Толстой перешел к английской поэзии и драме, к которым он, судя по всему, относится без особого восторга. По отношению к Шекспиру он был так же недоброжелателен, как и в своем трактате «Что такое искусство?», но, как мне показалось, с его пьесами он не был достаточно знаком. На мой вопрос о том, в чем причина его отрицательного отношения к Шекспиру, он ответил:

— У Шекспира отсутствует то, что я всегда почитал первейшим принципом искусства: соразмерность и сдержанность. Я не могу найти в нем ни одного из этих достоинств и не понимаю, в чем состоят те великие заслуги, которые ему приписывают.



ЭЛЬМЕР МООД — ПЕРЕВОДЧИК
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТОЛСТОГО
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Фотография. 1920-е годы

Предоставлена «Литературному наслед-
ству» г. Арнольдом Моодом-сыном
(Англия)

О Мильтоне Толстой сказал:

— Я большой поклонник его политических сочинений, но не вижу, в чем прелесть «Потерянного рая».

Что касается новейших английских произведений, то Толстой читает их в большом количестве. Как правило, о современных английских романах он отзывался неодобрительно. Киплинг вызвал у него сильнейшее отвращение, и он спросил возмущенно: «Чем объяснить, что такой человек имеет успех?» И тут же в раздраженном тоне стал пересказывать своему приятелю содержание романа «Свет погас», пародируя его в той наполовину шутилой, наполовину иронической манере, в которой он излагал вагнеровское либретто к «Кольцу Нибелунгов» в трактате «Что такое искусство?» Закончил он свой рассказ восклицанием: «Какая мерзость!» О сочинениях одного из популярнейших наших писателей он сказал: «В России такие вещи невозможны!» И самым суровым образом осудил тот род проблемного романа, который берется легкомысленно трактовать религиозные вопросы <...>

В числе постоянных посетителей Толстого был известный русский писатель Сергеенко, знакомый английскому читателю по своей небольшой брошюре «Как живет и работает граф Толстой?». Сергеенко сказал:

— Я уважаю англичан за то, что у них есть порядок, свобода и они обладают чувством собственного достоинства, самоуважения.

Граф, который в это время читал какую-то английскую книжку, поднял голову:

— Самоуважение? Я хотел бы, чтобы они еще уважали и свой язык. Что это, в конце концов, значит? — И Толстой указал на страницу одного из наиболее популярных в ту пору наших проблемных романов, который он прочел уже до середины, и опять недовольно спросил:

— Что это означает?

Роман этот описывал жизнь рабочих в лондонском Ист-Энде, и граф был весьма увлечен чтением²³. Кокнизмы он понимал прекрасно, но один из абзацев, чуть ли не целиком состоящий из сленга, поставил его в тупик. Я попытался объяснить значение некоторых слов, но он отложил книгу с раздражением:

— Не понимаю, зачем ваши романисты упорно заставляют своих героев говорить на подобном жаргоне, — сказал он. — Наши писатели не совершают подобной неаппетитности. Если вы понимаете язык русской газеты, вы сумеете понять любой русский роман. Для того же, чтоб уразуметь многие из английских романов, надо прежде изучить какой-то новый язык.

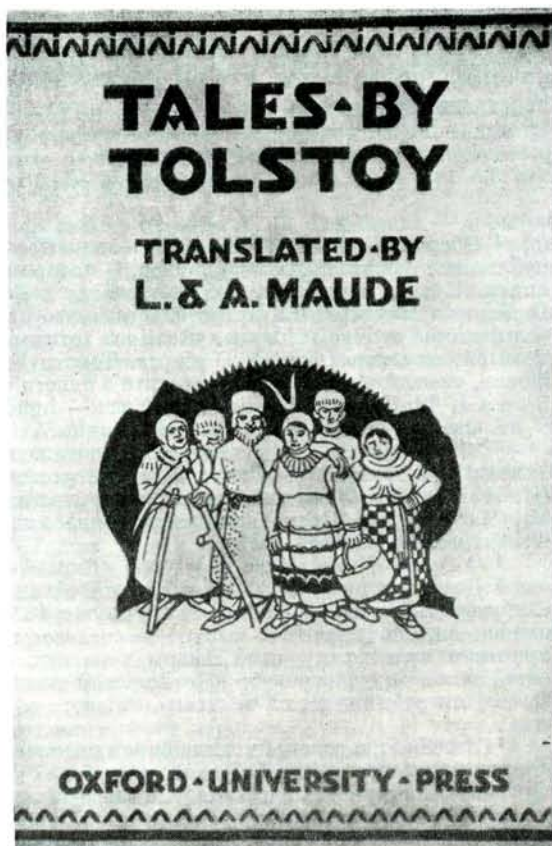
— Да, но все слова на этой странице имеют живое хождение среди определенного класса в Англии.

— В таком случае русские владеют родным языком гораздо лучше, чем другие народы.

И он рассказал нам, как много лет назад, во время своего пребывания в Германии, он, разговаривая с рабочими, наткнулся на такие же трудности. При этом он добавил, что многие западные писатели, по-видимому, считают создание нового языка главной целью своего существования. Своодушевлением принялся он превозносить красоту русской крестьянской речи и сказал, что ввиду этимологического единства языка вряд ли есть необходимость производить какие-либо изменения в литературном языке для того, чтобы сделать его понятным народу. И действительно, язык рассказов Толстого для народа и пропагандистских его брошюрки весьма мало отличаются от языка его романов: главное различие состоит в крестьянском обыкновении начинать фразу с глагола <...> Толстой часто говорил о превосходстве русского крестьянского языка над языком крестьян стран

СБОРНИК РАССКАЗОВ ТОЛСТОГО
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
В ПЕРЕВОДЕ
ЛУИЗЫ И ЭЛЬМЕРА МООДОВ
(ЛОНДОН, 1938)

Обложка. Рисунок Дорис Боултон



Западной Европы, и в особенности над языком культурных русских. Толстой, казалось, соединил в себе вордсвортовскую теорию и вордсвортовскую неспособность проведения ее в жизнь²⁴, потому что его собственная манера говорить мало чем отличалась от манеры других образованных русских. Тем не менее он настаивал на том, что крестьяне говорят на самом лучшем русском языке. По этому поводу он осведомился у меня, как подвигается мое изучение русского языка.

— Ведь не так уж просто практиковаться в русском языке даже когда находишься в Москве, — сказал я. — В большинстве случаев здесь предпочитают изъясняться на европейских языках и не любят вести на русском языке беседу с иностранцем, который плохо с ним знаком.

— Чтоб изучить русский язык, — отвечал Толстой, — надо отправиться в пивную, заказать по кружке пива себе и соседу и завязать с ним разговор.

Этот совет явился для меня полной неожиданностью, так как я знал об отрицательном отношении графа ко всем видам спиртных напитков.

— Но это годится только для начала, — возражал я. — Рабочие с недоверием отнесутся ко мне, увидев, что я одет не так, как они, и могут подумать, что я «немец», вообще не умеющий говорить. Их может удивить, что я угощаю пивом без какой-либо причины.

— В таком случае виноваты будете вы сами, — отвечал Толстой. — Что же касается вашего первого опасения, то одевайтесь как вздумается, подобно тому, как это делаю я. Если же они узнают, что вы иностранец, — то это для них лучшее свидетельство, что вы не полицейский агент.

И, наконец, насчет вашего третьего опасения. Русский мужик готов будет отдать вам свой армяк, если вы станете замерзать, и поэтому он не увидит ничего дурного в том, что вы предложите ему пива, когда у него пересохнет в горле...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Оберон *Герберт* (1838—1906) — английский философ, политический деятель и публицист, христианский социалист, о котором Стэд упоминает на страницах своей книги «Правда о России». Стэд встречался с Гербертом в Нью-Форесте, и суждения Герберта о государстве и правительстве живо напомнили ему высказывания Толстого, услышанные в Ясной Поляне. «Если вы хотите знать, — пишет Стэд, — что такое граф Толстой, возьмите Оберона Герберта, Томаса Карлейля, Джона Рёскина и Джорджа Фокса, смешайте их всех и превратите в одного человека. Это и будет Толстой» (W. T. St e a d. Truth about Russia. New York — London, 1888, p. 421).

² См. введение к настоящ. публикации.

³ 27 января 1887 г. «Власть тьмы» читалась вслух А. А. Стаховичем у министра двора И. И. Воронцова-Дашкова в присутствии Александра III и членов его семьи (Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, т. I. М., 1958, стр. 655). Премьера пьесы состоялась на сцене парижского «Свободного театра» А. Антуана 29 января 1888 г.

⁴ О Генри *Джордже* см. в разделе «Письма» кн. 1-й настоящ. тома.

⁵ Десять заповедей входят в книгу Библии «Исход». Толстой включил их в свою «Азбуку» (т. 21, стр. 96—97), составленную в 1874—1875 гг. Защищаемая Толстым идея национализации земли без выкупа не согласовывалась с общим «непротивленческим» принятием судьбы, пронизывающим заповеди. Она, в частности, противоречила десятой заповеди, гласившей: «Не пожелай дома ближнего твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни осла его, ни скота его, ни всего елика суть ближнего твоего».

⁶ В 1880 г., в связи с усилившимся недовольством ирландских крестьян, страдавших от малоземелья, и с бойкотом английских товаров, английское правительство вынуждено было принять акт о земле, а вслед за тем закон Уолша — Эшборна, предусматривавший незначительную реформу в области землепользования. Уильям *Уолш* (1841—1921) — ирландский религиозный деятель; Эдвард *Эшборн* (1837—1913) — лорд-канцлер Ирландии.

⁷ В конце XIX в. в сельском хозяйстве Османской империи сохранялось множество феодальных пережитков. Две трети обрабатываемой земли находились в руках небольшой кучки помещиков, в то время как большая часть крестьянства оставалась безземельной. В широких общественных кругах все настойчивей звучали голоса в пользу коренных аграрных реформ.

⁸ Мэтью *Арнольд* (1822—1888) — английский поэт, литературный критик и философ, выступавший против пошлости буржуазного общества. Его религиозно-моралистические сочинения, идущие вразрез с официально-ортодоксальной церковной доктриной, вызвали большой интерес у Толстого, включавшего отрывки из них в свой «Круг чтения». В свою очередь Арнольд одним из первых опубликовал в Англии работу о русском писателе (статья «Граф Лев Толстой», 1887). Арнольд и Толстой обменивались книгами на богословские темы, но их дружба, о которой пишет Стэд, была заочной; впрочем, можно и предположить, что они виделись во время пребывания Толстого в Лондоне в 1862 г. Арнольд умер 15 апреля 1888 г. незадолго до приезда Стэда в Ясную Поляну.

⁹ «*War Cry*» — журнал Армии спасения.

¹⁰ Речь идет о священнике Уильяме *Бутсе* (1829—1912), возведенном в сан генерала Армии спасения. В книге «В тупицах Англии и выход из них» («In Darkest England and Way Out», 1890) Бутс изложил свою филантропическую программу борьбы с нищетой. 23 октября 1890 г. Стэд сообщил Толстому, что послал ему эту книгу. «Я думаю, — писал Стэд, — что вы теперь найдете Армию спасения более близкой к вашим принципам, чем два года назад, когда мы обсуждали эту проблему». Д. П. Маковицкий записал 14 мая 1909 г. в дневнике: «Л. Н. читает книгу генерала Бутса „In Darkest England and Way Out“ и был доволен ею. У генерала Бутса видят сектантскую сторону и отворачиваются от него, а на другую сторону не обращают внимания» (А Т).

¹¹ Пожар в деревне Ясная Поляна произошел в конце мая 1888 г.

¹² После прихода к власти в 1886 г. консервативного правительства Солсбери англичане усилили политику репрессий в Ирландии, вызвав вооруженное сопротивление в ряде областей страны, фактически находившейся на положении английской колонии.

¹³ Генри Дэвид *Торо* (1817—1862) — видный американский писатель-аболиционист, автор известной книги «Уолден, или Жизнь в лесу» («Walden, or Life in the Woods»), в которой он выступил с острой критикой капиталистической цивилизации. Уолден был сторонником непротivления злу. Толстой неоднократно с похвалой отзывался о его творчестве.

¹⁴ Уильям Ллойд *Гаррисон* (1805—1879) — известный американский общественный деятель, аболиционист, борец с рабством и один из сторонников теории непротivления; его деятельностью интересовался Толстой. В 1904 г. он написал предисловие к биографии Гаррисона, составленной В. Г. Чертковым и Ф. Хола (т. 36, стр. 95—99).

¹⁵ В марте 1886 г. Толстой получил письмо от сына У. Л. Гаррисона — Уэндела *Гаррисона* (1844—1907), пославшего в Ясную Поляну книги своего отца. 15 марта Толстой попросил его прислать краткую биографию отца, которая и была ему отправлена 5 мая. Толстой намеревался издать перевод декларации Гаррисона и очерк его жизни в «Посреднике», но они были запрещены цензурой; об этом он сообщил в письме к В. Г. Черткову как раз накануне приезда Стэда, 29 марта 1888 г. (т. 86, стр. 144). Видимо, перевод затерялся в цензурных архивах, которые Стэд в подлиннике называет «тюрьмой».

¹⁶ «Доктор Джекил и мистер Хайд» — роман *Р. Л. Стивенсона* (1850—1894).

Экземпляр упомянутого романа Уолтера *Безанта* (1836—1901) сохранился со следующей надписью Стэда: «To Count Tolstoy in memory of a pleasant visit to Jasnaia Poliana. June 1888. W. T. St e a d s» («Графу Толстому на память о приятном посещении Ясной Поляны. Июнь 1888 г. У. Т. Стэда»). Там же находятся еще два романа Безанта — «Дети Гибсона» («Children of Gibeon. London, 1887») и «Райс Джеймс. Случай с мистером Лукрафтом и другие рассказы» («Rice James. The Case of Mr Lucraft and other tales. London, 1889»).

¹⁷ *Тойнби-холл* — центр буржуазно-филантропической организации, расположенный в лондонском районе Ист-Сайд. Члены Тойнби-холла, основанного в 1884 г. клириком С. Барнеттом, в большинстве своем студенты, старались приобщиться к образу жизни бедняков и вести среди них просветительскую работу в духе буржуазного реформизма. Свое название эта организация получила в честь Арнольда *Тойнби* (1852—1883), инициатора буржуазно-интеллигентского «хождения в трущобы», призывавшего господствующие классы признавать свою вину перед народом.

¹⁸ Мысль о создании «Международного „Посредника“» возникла у Толстого в начале 1888 г.; об этом он сообщил В. Г. Черткову 29 марта 1888 г. «Пришло в голову издавать Посредник международный в Лейпциге без цензуры на 3-х или 4-х языках. Программа: всё, что выработал дух человеческий во всех областях — такое, что доступно пониманию рабочих трудящихся масс и что не противно нравственному учению Христа: мудрость, поэзия, искусство...» (т. 86, стр. 144). После беседы со Стэдом Толстой снова возвратился к плану создания «Международного „Посредника“». В письме к И. И. Бирюкову от 1 ноября 1889 г., касаясь замалчивания в Америке сочинений Балу, Гаррисона и других «непротivленцев», Толстой предлагал: «И кажется мне, что наше участие в деле будет состоять в том, чтоб уже сделать невозможным замалчиванье. Помогай бог. Международный посредник. Вот Черткова прогонят за границу, и будет международный посредник» (т. 64, стр. 323). Однако этот план не был осуществлен.

¹⁹ «*Путь паломника*» («Pilgrim's Progress») — аллегорический роман английского писателя Джона *Беняна* (1628—1688). Этот роман впервые увидел свет на русском языке под названием «Любопытное и достопримечательное путешествие христианина» в 1782 г. и с тех пор выдержал несколько изданий.

²⁰ *Мен-цзы* (Менциус, 372—289 до н. э.) — китайский философ. Его изречения Толстой включил в «Круг чтения».

²¹ Видимо, речь идет об одном из участников студенческих волнений, происходивших в феврале — марте 1899 г. и охвативших более тридцати высших учебных заведений. Это движение вызвало у Толстого «живое сочувствие». По свидетельству П. Е. Щеголева, «ему правилось чувство товарищества, которое побуждало к протесту» (т. 31, стр. 311). В это время Толстого посещали студенческие делегации, обращаясь с просьбами о заступничестве (см. Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, т. II. М., 1960, стр. 315—316). В начале апреля 1899 г. Толстой написал статью о студенческих волнениях (т. 31, стр. 199—203).

²² Видимо, речь идет о философском отрывке, написанном семнадцатилетним Толстым летом 1845 г. В нем заметны следы стерновской манеры (т. I, стр. 233—236 и 340). В начале 1850-х годов, работая над повестью «Детство», Толстой перечитывал Стерна, называя его «восхитительным». Вместе с тем он видел и недостатки английского романиста и в дневнике отметил, что «несмотря на огромный талант рассказывать и умно болтать моего любимого писателя Стерна, отступления тяжелы даже у него» (т. 46, стр. 82).

²³ Можно предположить, что речь идет об одном из известных романов английского писателя-натуралиста Джорджа *Мура* (1857—1933) «Эстер Уотерс» (1894). История обольщенной служанки описывается в романе на фоне быта трущоб. В яснополянской

библиотеке сохранился экземпляр этого произведения 1896 г. издания (G. Moore. Esther Waters. London) со следующей надписью: «To Count Tolstoi, from George Moore. 1896» («Графу Толстому от Джорджа Мура. 1896 г.»).

Толстой был знаком с произведениями писателей, которые в 1880—1890-х годах обратились к натуралистическому воспроизведению ужасов лондонского Ист-Энда — с книгами У. Безанта, У. Бутса, Г. Уорд, Дж. Гиссинга; последний приобрел известность как бытописатель деклассированных слоев. В яснополянской библиотеке находится его роман «Корона жизни» («The Crown of Life». London, 1899) со следующей надписью: «To Count Leo Tolstoy with sympathy and respect. George Gissing. October 1899» («Графу Толстому с симпатией и уважением. Джордж Гиссинг. Октябрь 1899 г.»). Эта книга была получена Толстым уже после отъезда Лонга.

²⁴ Английский поэт Уильям Вордсворт (1770—1850) выдвигал принцип демократизации языка, призывая говорить «языком всех людей», и указывал на превосходство безыскусной речи жителей захолусть, не тронутых цивилизацией. Его же собственное художественное творчество, как отмечает Лонг, далеко не отвечало этому программному требованию.